

ПЕРЕВОД

Главным делом святителя, начатым еще в Хакодате, был перевод на японский язык Священного Писания и богослужебных книг. Еще в 1869 году святитель Николай писал: «Из всего вышесказанного доселе, кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере в ближайшем будущем: жатва многа. А деятелей с нашей стороны нет ни одного, если не считать мою, совершенно частную, деятельность... Пусть бы я и продолжал свои занятия в прежнем направлении, но силы одного человека здесь почти то же, что капля в море. Один перевод Нового Завета, если делать его отчетливо (а можно ли делать иначе?), займет еще по крайней мере два года исключительного труда. Затем необходим перевод и Ветхого Завета; кроме того, если иметь хоть самую малую христианскую Церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке; а прочие книги, как Свящ[енная] история, Церк[овная] история, Литургика, Богословие? Все это тоже предметы насущной необходимости. И все это, и другое подобное нужно переводить на “японский”, о котором еще неизвестно, дастся ли он когда иностранцу так, чтобы на нем можно было писать хотя бы наполовину так легко и скоро, как иностранец обыкновенно пишет на своем». Много позднее он пишет, что в переводческих трудах «заключается вся суть миссийского дела. В настоящее время вообще работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одною устною проповедью. Времена Франциска Ксаверия, бегавшего по улицам с колокольчиком и сзывавшего

¹¹ Проект храма принадлежит петербургскому архитектору Михаилу Арефьевичу Щурупову. Иконостас, погибший во время землетрясения 1923 года, был расписан петербургским же иконописцем Василием Макаровичем Пошехоновым. Пожертвования на возведение храма шли со всей России. Одна Москва пожертвовала 200000 рублей, что составляло до 40 процентов от стоимости всех работ.

¹² Визит в Японию наследника российского престола также был приурочен к этому событию, однако после инцидента в Оцу цесаревич покинул Японию.

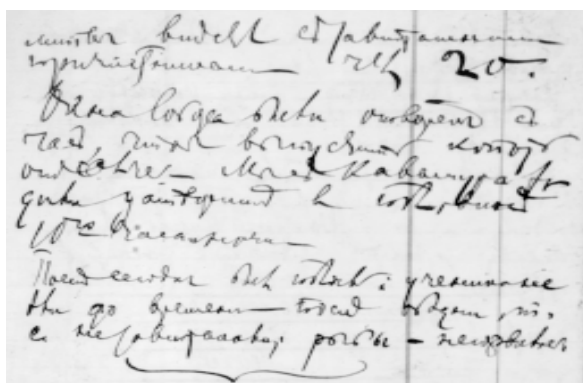
таким путем слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у нас имеют книги, выясняющие вероисповедные разности с католичеством и протестантством».

В Хакодате, за неимением перевода богослужение совершалось на церковнославянском языке, на японском же языке пелись и читались только «Господи, помилуй», «Святый Боже», «Верую» и «Отче наш». При переводе молитвы «Господи, помилуй» возник вопрос, как следует переводить слово «помилуй», которое зачастую воспринимается как помилование преступника. Епископ Николай говорил: «У нас таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово “аварема”. Так мать “милует” ребенка, “жалеет” в исконном древнерусском смысле». Там же, в Хакодате, святитель Николай начал переводить Писание с китайского языка, однако вскоре убедился в несовершенстве китайских переводов и перешел к переводу Нового Завета с церковнославянского, который считал точнее русского. Каждый стих сверялся с Вульгатой, Септуагинтой и английским переводом. В трудных местах святитель опирался на толкования святого Иоанна Златоуста. За 4-5 часов работы ему удавалось перевести не более 15 стихов. После того как святитель закончил свой труд по переводу Евангелий и Апостола (первый его вариант), они также стали читаться по-японски. В числе прочего в Хакодате были переведены Послания апостола Павла к Галатам, Ефесянам,

¹³ Во время Кантосского землетрясения 1923 года купол обрушился, а все убранство собора и иконостас погибли в огне пожара. Сгорела и библиотека миссии, насчитывавшая до 30 тыс. томов. Были утрачены даже расплавленные от сильнейшего жара колокола. На экстренном соборе 20 октября 1923 года было решено восстановить храм. 15 декабря 1929 года храм был освящен после восстановления. Перестраивавший собор японский архитектор Синити Окада не стал менять общих пропорций строения, но придал куполу едва заметный изгиб, заимствованный из буддийской храмовой архитектуры и символизирующий парение птицы или полет ввысь.

Деревня айну. 1890-е гг.

Образец почерка архиепископа
Николая.

Портрет архиепископа
Николая. Москва. 1879 г.

Священные и богослужебные книги,
переведенные на японский язык архиепископом Николаем.

Филиппийцам и Колоссянам, а также половина Послания к Римлянам. Тогда же им были переведены краткий молитвослов (с китайского), чин крещения и присоединения иноверных, «Православное вероисповедание» святителя Дмитрия Ростовского, катехизис для оглашенных, краткое изложение Ветхого Завета, «Толковое Евангелие» епископа Михаила и «Нравственное богословие» митрополита Платона.

Переехав в Токио, святитель Николай прежде всего перевел Октоих, затем Цветную и Постную Триоди, одновременно занимаясь новым переводом Евангелия. Из Ветхого Завета им были переведены все части, необходимые для совершения годичного круга богослужений. Он не доверял менее педантичным переводам католиков и протестантов и потому старался даже не читать их, опасаясь подчиниться им или невольно заимствовать из них что-либо. Заветной мечтой святителя был перевод всей Библии. В 1910 году он говорил, что по его расчетам для завершения этого труда ему требовалось еще пять лет.

«Не перевод Евангелия и Богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, а наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большого напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого православия...»

Ряд трудностей и опасностей при переводе был связан и с тем, что многие иероглифы веками использовались буддистами и синтоистами, что придавало им вполне определенный смысловой оттенок, делав-

ший невозможным или рискованным их употребление в православном контексте¹⁴. В ряде случаев святитель рассылал перевод того или иного стиха или понятия по приходам с обращенной к духовенству и мирянам просьбой высказаться о нем.

В течение тридцати лет ровно в шесть вечера в келью владыки входил его постоянный сотрудник по переводам Павел Накаи, человек прекрасно образованный, необычайно трудолюбивый и всецело преданный православной вере. Он садился на низенький табурет рядом с епископом и начинал писать под его диктовку. Работа продолжалась обычно четыре часа и заканчивалась в десять вечера.

«Передо мной лежат славянский и греческий тексты богослужения, с книгами под рукою, способствующими правильно-му уразумению его. У моего сотрудника под руками китайские и японские лексиконы и грамматики, также перед нами китайский текст богослужения, заимствованный нами из Пекина от нашей Миссии. Смотря в славянский текст и проверяя его греческим, я диктую перевод, стараясь выразить смысл с буквальной точностью; сотрудник записывает китайскими иероглифами вперемешку с японскими алфавитными знаками. Трудности перевода в этой стадии заключаются в том, что японская грамматика противоположна нашей, т. е. по-японски поставить подлежащее надо впереди, между ним и сказуемым должно вместить все, что есть в переводе, сколько бы ни было придаточных и вводных предложений, все они должны встать впереди главного сказуемого; в каждом придаточном и вводном — то же расположение частей.

Когда песнь или молитва продиктована и синтаксическое отношение части ее установлено, тогда начинается отделка написанного, причем моя главная забота — не дать ни на йоту уклониться от смысла текста; сотрудник же мой с неменьшей заботой хлопочет в интересах правильности и изящества грамматической и стилевой конструкции речи. Эта часть работы самая

трудная и кропотливая. Тут-то особенно нужна китайско-японская ученость, потому что, во-первых, нужно отчетливо знать смысл каждого китайского знака, чтобы из многих однозначных иероглифов выбрать наиболее употребительный и понятный, во-вторых, нужно обсудить, оставить ли за иероглифом китайское произношение или дать ему японское, потому что иероглифы, переходя из Китая в Японию, принесли с собою китайское однозвучное чтение, которое остается за ними и доселе и которое в полном объеме доступно только глубоким ученым, но которое, градациями сокращаясь и спускаясь вниз, в значительной степени проникло до самых низких слоев народа; в то же время почти каждый знак переведен по-японски и имеет свое японское чтение. Чему следовать? По-видимому, нужно бы держаться чисто японской речи, но весьма часто случается видеть, что японское чтение знака даже для необразованных людей бывает менее понятно, чем китайское. В-третьих, нужно подумать и о том, оставить ли знаки без японской алфавитной транскрипции или, по трудности знаков либо по двусмысленности их, подставить ее и в какой мере. Одним словом, нужно решить, какой язык усвоить переводу. При мысли о важности того, что переводим, любезен нам самый почтенный язык ученый, который не стесняется много ни знаками, ни произношением их и не нуждается ни в какой транскрипции; но этот язык был бы неудобен и для среднеученых, а для малоученых и совсем непонятен. При мысли о том, что переведенное нами должно быть доступно всем и что в этом именно и должно состоять главное его достоинство, влечет нас к себе язык массы, язык народный, но тогда перевод наш вышел бы до того вульгарным, что им сразу пренебрегли бы все, не составляющие простонародья. Положено

¹⁴ Скажем, в католических переводах Евангелия «Слово» переводится как «Дао».

нами употреблять язык средний. Этому стараемся и следовать, хотя, по неопределенности признаков и неясности границ, здесь широкое поле для нескончаемых споров, в которых я всячески стараюсь отстаивать наибольшую общепонятность, а мой сотрудник — защититься от вульгаризмов и соблюсти изящность речи. Когда наконец все эти трудности удалены, текст перевода установлен и переведена вся книга, мы опять ее проходим, тщательно сверяя с оригинальным текстом, наблюдая, чтобы по всей книге для одних и тех же оригинальных слов и выражений были употреблены и те же переводные иероглифы и чтения».

Из бывших студентов семинарии составилась целый коллектив переводчиков, работавших над переводом не только русской богословской, но и русской художественной литературы (первоначально в переводческий отдел входили только лица, получившие духовное образование в России, затем в нем стали работать и японцы). Среди них были ректор семинарии Иван Сенума и его супруга Анна Лукинична Сенума, профессор философии и богословия семинарии Кониси Масутаро, проведенный 10 лет в России (позднее перешел в протестантство), знаменитый переводчик и ученый Нобори Сёму. Святитель писал: «Пусть переводят и читают. Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Лермонтова, гр. Толстых, Достоевского, нельзя не полюбить России».

ВОЙНА

С 1900 года вновь усилились антирусские настроения, которые не могли не сказаться и на отношении к церкви. Д. М. Позднеев приводит характерную выдержку из газеты «Нихон»: «Православная церковь является злостным местом, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь надо всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое

воскресное утро своим гвалтом докучает мирному сну жителей».

После того как в 1902 году был заключен союз между Японией и Великобританией, стало очевидно, что война Японии с Россией неизбежна. На соборе 1903 года епископ Николай вынужден был отвечать на чрезвычайно волновавший японских православных христиан вопрос, должны ли они участвовать в войне против России. Он ответил, что те должны будут выполнить свой долг перед своей родиной вместе со всем народом. В случае начала войны они должны будут относиться к России как к неприятелю, но «воевать с врагами не значит ненавидеть их, а только защищать свое отечество».

5 февраля 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Два священнослужителя, работавших в то время в миссии, вернулись домой. Духовенство и миряне японской церкви обратились к своему епископу с просьбой остаться в Японии. Епископ Николай отвечал, что он уже принял пред Богом решение остаться в Японии, в своей маленькой квартирке при соборе. «Я надеюсь, что объявление военных действий не принесет с собою никакой перемены в деятельности нашей церкви. Катехизаторы будут продолжать проповедовать Евангелие Спасителя, ученики — посещать школу миссии, а я сам отдамся всецело переводу наших богослужебных книг...

Сегодня по обычаю я служу в соборе, но отныне впредь я уже не буду принимать участия в общественных Богослужениях нашей церкви... Доселе я молился за процветание и мир Японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным отечеством. Я также имею обязательства к своей родине и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране». Во все приходы японской православной церкви, встревоженные объявлением войны с Россией, было разослано «Окружное письмо», в котором епископ благословлял японских христиан исполнить свой долг верноподданных, но напоминал: «Кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь — не из ненависти к врагу, но из любви к вашим соотечественникам... Любовь к

отечеству есть святое чувство... Но кроме земного отечества у нас есть еще отечество небесное... Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью... И будем вместе исполнять наш долг относительно нашего небесного отечества, какой кому надлежит... И вместе с тем будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир...»

Святитель прекратил всяческую переписку с Россией и всецело посвятил себя переводческой работе.

Когда в Японию стали прибывать русские пленные (общее их число достигало 73 тысяч), святитель Николай с согласия японского правительства образовал Общество духовного утешения военнопленных. Для окормления пленных им были отобраны пять священников, владевших русским языком. Каждого пленного, прибывшего в Японию, японская церковь благословила серебряным крестиком. Пленные снабжались иконами и книгами. Сам владыка неоднократно обращался к ним письменно.

Деятельность епископа Николая во время войны была крайне высоко оценена не только в Японии, но и в России. Император Николай II писал епископу Николаю в конце 1905 года: «...Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет все племена и языки. <...> Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное испытание брани и посреди вражды бранной удержать мир, веру и молитву в созданной вашими трудами церкви».

24 марта 1906 года епископ Николай был возведен в сан архиепископа.

Послевоенное время принесло новые испытания. Поток пожертвованных на православную миссию в Японии из России почти прекратился. Вследствие этого миссия вынуждена была уволить 30 катехизаторов и закрыть катехизаторское училище.

В 1908 году на Киотоскую кафедру прибыл епископ Сергей (Тихомиров)¹⁵. Он быстро овладел японским языком и занялся активной миссионерской деятельностью, разъезжая по всей Японии. Его появление весьма

утетило архиепископа Николая, писавшего: «Теперь я могу спокойно умереть в уверенности, что дело миссии в добрых руках», а также: «...еще бы нам надо двух таких же ревностных миссионеров. Молим об этом Бога и обращаем взоры на Россию».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА

В июле 1911 года было торжественно отмечено пятидесятилетие служения отца Николая на японской земле. Епископ Сергей (Тихомиров) писал: «Вот начали съезжаться со всех концов Японии иереи, катехизаторы... Их только одних было свыше 120 человек, а поусердствовали и многие провинциальные христиане. И вот 75-летний старец ежедневно с раннего утра до позднего вечера сидел в своей комнате и выслушивал доклады иереев о состоянии их приходов, рассказы катехизаторов о проповеди в пределах их ведения или любезно беседовал с какой-нибудь бабушкой, прибывшей из далеких краев. Начался собор... А на нем разве мало дела, волнений? Празднование юбилея... В течение одного дня литургия, молебен, обед в отеле с почетными гостями, музыкальный вечер. Этим мы, молодые, закончили. Но 75-летний старец был приглашен на собрание бывших воспитанниц Суругадайской школы. И пошел. И не столько слушал, сколько говорил и поучал. Нужно было удивляться тому, как мог вынести владыка такой день... А и завтра не обещало отдыха. Долгое, часа на четыре, чтение адресов. А вечером обед на миссийском дворе, с сотнями христиан... Но мне кажется, и этот день прошел бы для почившего сравнительно благополучно, если бы не заключительный момент... Воодушевленный речами, владыка встал, с необыкновенной энергией как-то вздернул головой и голосом, которого достало на всю широкую площадь, занятую обедавшими сотнями христиан, предложил спеть японский гимн в честь Его Величества, императора Японии, благодаря религиозной терпимости которого христианство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительством, то, во всяком

случае, полным благополучием. Нужно было видеть необыкновенное возбуждение владыки, его покрытое румянцем лицо. Нужно было слышать, как владыка не только первый запел гимн, но и пел его до конца... Нужно было видеть этот молодой огонь в столь немолодом уже организме. И тогда ясно было бы каждому, что этот момент не мог для расстроенного сердца владыки пройти бесследно...»

Нервное напряжение и переутомление этих дней обострили сердечную астму, которой страдал владыка. Силы его стали быстро таять.

Незадолго до кончины владыка говорил епископу Сергию: «...Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин попахал, соха износилась. Он ее и бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Так смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть Божье дело растет! А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит — и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась, и за сие будем всегда Бога благодарить».

В последний раз архиепископ Николай служил в первый день Рождества Христова 1912 года. Через несколько дней его положили в больницу св. Луки в Цукидзи. Однако 5 февраля владыка, спешивший закончить свои дела, настоял на том, чтобы его доставили обратно на Суругадай, и вновь вернулся к переводческой работе. 13 февраля им было составлено последнее донесение Синоду о состоянии дел в миссии.

15 февраля владыка потребовал возобновления проходивших обычно в соседней комнате и отмененных по рекомендации врачей занятий хора и попросил исполнить любимое им «На реках Вавилонских».

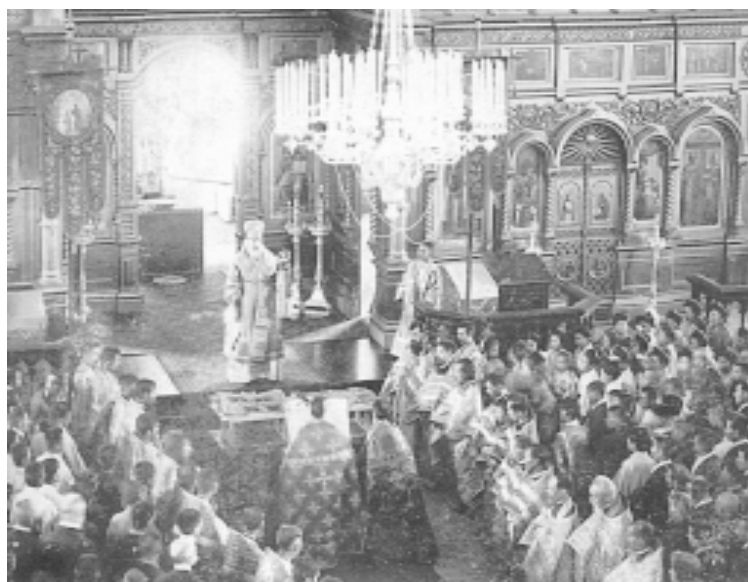
Ночью начался бред, во время которого умирающий несколько раз произнес слово «Воскресение». 16 февраля в четверть восьмого зазвонил большой храмовый колокол, извещавший о кончине святителя Николая.

Епископ Сергей пишет: «Не стонет уже владыка. Не делает ему впрыскиваний сестра. Лишь тихое чтение Слова Христова, на слу-

¹⁵ Митрополит Сергей (Тихомиров) был арестован в апреле 1945 года как «русский шпион». Умер 10 августа этого же года.

*Иконостас Православного кафедрального собора
Воскресения Христова, 1900-е гг.*

Торжественное богослужение в соборе. 1907 г.

*Архиепископ Николай
в полном облачении.*

жение которому владыка отдал всю свою святую жизнь, нарушает таинство смерти, столь очевидное у постели еще так недавно, всего вчера, оживленно беседовавшего и составлявшего план на 10-летнюю работу.

<...>

Тело высокопреосвященного архиепископа лежало в крестовой церкви... В субботу 4 февраля [ст. ст.] утром и вечером после всенощного бдения, в воскресенье после литургии и вечером, в понедельник 6 февраля утром и вечером здесь были совершены торжественные панихиды, всегда в переполненной церкви. Владыка лежал еще не в гробе, ибо гроб не был готов. Чудный обычай мне пришлось наблюдать в эти дни, впервые за время своей службы в Японии! Известная группа христиан, по взаимному соглашению, приходит к телу почившего с вечера и бодрствует до утра, слушая чтение Евангелия.

Обычай этот есть и в обычной жизни, при погребении знакомых... Трогательно было видеть старичков и старушек, в полудремоте, но около своего Дай-Сюкео (владыки) проводящих ночь... Умилительны были матери семейств, приходившие со своими грудными ребятами и здесь же располагавшиеся с одеялами... Но мне не забыть одной ночи. Она тем сильнее поразила меня, что была почти неожиданна. Конечно, плохо спалось. Немного нападёт забытие, — очнешься: через стену в церкви читают св. Евангелие... И с такою горечью в который уже раз почувствуешь, что все это не сон, а горькая действительность... Так было и в эту ночь. Тянуло к владыке. Пошел. Открываю дверь. И что же? Вокруг тела владыки сидят по-японски девочки нашей женской миссийской школы, человек 40. У всех в руках св. Евангелие и зажженные свечи. Все с благоговением в последний раз научаются от безмолвного владыки словам Христовым. Я обомлел от неожиданности. Заплакал. И возвратился домой... Да, велика и искренна была любовь владыки к своим христианам, нежна была привязанность его к школам. И поняли это христиане. Почувствовали это своим сердцем ангельские души воспитанниц. Любовь к своему владыке привела их на всю ночь разделить с ним безмолвие смерти. Но говорил им владыка через Христово слово».

Тело владыки было отерто святым елеем от мощей святителя Иоасафа Белгородского. На деньги, пожертвованные А. П. Синельниковой, был куплен небольшой участок земли на кладбище Янака (район Уено), где 22 февраля и было совершено его погребение.

С утра на четырех престолах было отслужено четыре литургии об упокоении души архиепископа Николая. В 11 часов в соборе Воскресения Христова началось отпевание, совершавшееся, главным образом, по-японски. Среди прочих венков выделялся венок от императора Японии — этой чести иностранцы удостоивались исключительно редко. После отпевания гроб был обнесен вокруг собора и установлен на колесницу. Похоронная процессия, растянувшаяся на десять километров, направилась к кладбищу. «Рвет неистово хоругви наши ветер. Пришлось их нести в опущенном положении. Идут воспитанники, воспитанницы. Все в однообразных костюмах. У всех в руках пальмовые ветви, символ веры в победу дела владыки в Японии. Многочисленные цветы, сотни венков. Святые иконы, кресты. Иереи, диаконы в священных облачениях... Многие катехизаторы в стихарях. В полном облачении с посохом в руках епископ. Ордена владыки. Все принадлежности архиерейского сана, носившиеся владыкою. В заключение колесница с дорогим гробом, представитель России в шитом золотом придворном мундире. И лента, бесконечная лента христиан...»

Архиепископ Николай на смертном одре.

*Часовня на месте погребения архиепископа Николая Японского.
Кладбище Янака, Токио.*

Часовня, построенная в 1978 г. в память Николая архиепископа Японского, рядом с собором Воскресения Христова. В православном календаре память святого Николая Японского отмечается 3(16) февраля, в день его кончины, в праздник Сретения Господня; он первый святой ныне автономной Японской Православной Церкви.